

Анализ идеологий

**ИДЕОЛОГИЯ В РОССИИ
ВРЕМЕНИ ПОСТМОДЕРНА И СПЕЦОПЕРАЦИИ¹**

А.И. Рубцов
Институт философии РАН

Аннотация: *Смыслы в риторике «прошлого и настоящего» определяются историческим размером событий и интервалов. Если Модерн был временем идеологий, то Россия оказалась избранным местом и реализации тотальных проектов, и торжества марксизма как государственного мировоззрения с абсолютной критикой идеологического. Подобно конституированию политики Карлом Шмиттом через бинарную оппозицию «друг – враг», идеология конституируется в оппозиции «вера – знание», в спектре между «почти религией» и «около философией». Задача философии – вскрытие неочевидности якобы очевидного; миссия идеологии – массовое производство «очевидности». Преодоление узко политического редуционизма открывает идеологию в её предельном расширении, различает системы идей и системы институтов, а также форматы идеологии теневой, латентной, диффузной, проникающей и т. п.*

Ключевые слова: *идеология, исторический размер, постмодерн, очевидное/неочевидное, система идей и система институтов, идеология теневая, латентная, диффузная, «проникающая».*

В минимально строгих текстах риторика «прошлого и настоящего» все же помнит о дискретности интервалов. «Марксизм и деидеологизация», «Империя и русский мир», «Самодержавие и тоталитаризм», «Монархия и постмодерн»... Выбор такого рода оптики исходит из понимания *исторического диапазона и размера* событий, их теоретического масштаба [Орешин, Рубцов 1989]. Когда-то это называлось: «Блажен, кто посетил...».

Упражнения в высокой теории – неблагодарный труд, когда в реальном времени гибнут люди, а близкие общаются через прицелы холодной гражданской войны. Но если пережить острые фазы, потом руины идеологических фронтов оказываются завалены обломками брошенных смыслов и споров, иногда непроходимыми. В пограничных состояниях удары по совести и психике тем более высекают вопросы, которые нельзя было и помыслить, не шагнув по ту сторону войны и мира. Другое дело, что эти вопросы можно вообще не ставить (как можно прожить жизнь, никого не убив и не покалечив и не пострадав в таких схватках самому). Но это не отменяет запроса конфликтов силы на предельно общие темы и решения.

¹ Опубликовано с изменениями: Вопросы философии. – 2023. – № 1. – С. 10–14.

Практическая и прикладная философия резко сближается с философией фундаментальной и теоретической и, начиная «искривать», лишь подтверждает выбор цели. По Кирхгофу нет ничего практичнее хорошей теории. Но и нет ничего патристичнее честной философии.

Модерн в России больше, чем Модерн. Если в общей истории он стал *временем идеологий*, то в России ещё и избранным *местом* воплощения тотальных проектов, этих *исчадий рая*. Реализованных в натуру макеты «идеального» жизнеустройства сделали Россию авангардом преобразующей идеологии зрелого Модерна и реального опыта жизнеустроительных практик Высокого Модерна в особенности. (Аналогии с Германией слишком рискованны без специальных комментариев).

Такой масштаб времени определяет и габарит предмета. Что есть идеология в максимальном расширении, не сводимом к политике [Рубцов 2018; Рубцов 2019]? Универсализм репрезентаций (кто я?) и аксиоматики (на чем стою?) работает в макросоциальных и межличностных отношениях, в морали и деловой этике, в науке и искусстве, в постулатах эпохи, стиля, автора, «вещи» [Рубцов 2009]. «Чёрный квадрат» сделала знаком времени ударная идеология («переход через ноль» и проч.) Но проработав расширенный горизонт, мы и в контуры политики возвращаемся с другим, более объёмным пониманием самого политического.

Миссия философии – *вскрытие неочевидности всякого «очевидного»* как принимаемого вне критической рефлексии и непромысливаемого. Идеология же, напротив, опознаётся как ручное или массовое производство «очевидности» для самых разных нужд и с использованием бесконечных залежей *неочевидного*. Такая терминология предохраняет от политического редуционизма и бытового натурализма в демаркации философии и идеологии. Философским либо идеологическим может быть *один и тот же, добуквенно идентичный текст*. Набор слов сам по себе ничего не значит. Все решает интенция в отношении очевидности/неочевидности. Радикально рефлексивная установка направлена субъектом не на объект (как в политической критике), а *на самоё себя*. В этом смысле философия и идеология смотрят на одно и то же с разных сторон... и в разные стороны. Поэтому лучше избегать слов, спутывающих устоявшееся словоупотребление. В расхожих смыслах критика сама бывает и частью системы идейных постулатов, и даже собственно апологетикой (как вдохновляющая критика капитализма в СССР или как специфическая критика «идеалистической», «буржуазной» философии в «Белых сборниках» ИНИОН и даже целыми отделами ИФ РАН). Взгляды гениев великой русской литературы бывали апологетическими, что в принятом словоупотреблении не лишало и сейчас не лишает их звания философии – и философии именно русской. Слова *догматика, апологетика* и т. п. заранее окрашены у нас негативно, однако в расширенном подходе корпус постулатов и аксиоматика как таковые и на своём месте неизбежны и необходимы, методологически функциональны. Вопреки усилиям трёх позитивизмов такое идеологическое нельзя элиминировать даже из строго позитивной теории и знания в целом, но можно даже отнести именно к философичности. Это, кстати, многое объясняет в докладе Вадима Межуева «Философия как идеология» [Межуев 2017].

Полярность очевидного/неочевидного подводит к *конституированию идеологического* как «веры в упаковке знания». Если у Карла Шмитта политическое впервые конституировано оппозицией «друг – враг» (по аналогии с добром и злом в этике, прекрасным и безобразным в эстетике и пр.), то в идеологии эту роль может выполнять оппозиция «вера – знание» [Рубцов 2016].

Вместе с тем интеллектуальные вкусы явно смещаются от жёсткого бинаризма к более гибкой логике переходов и гибридов. Это смягчает «дуэльную» однозначность оппозиции «веры – знания» (faith – knowledge) в пользу спектра, континуального перехода между асимптотическими полюсами. Это как с магнитом, сохраняющим полюса, как бы его ни распили-

вали. В научной аксиоматике и метафизике всегда есть качество «верую»; в религиозной догматике, наоборот, «кредо» всегда чуть окрашено ересью знания как потребности или имитации. Максимализм «Credo quia absurdum», как раз и отражает предельность суждения, подрывающего претензии докетов или гностиков. Но и бытовая максима «О вкусах не спорят» лишь повторяет квазирелигиозные формулы «Достоверно, ибо нелепо», «Несомненно, ибо невозможно» и пр.

Этот переход по краям асимптотически приближается к полюсам «около философии» либо «почти религии». Идеолог-харизматик не просто свято верит, но и «знает», что говорит. Теология и проповедь также есть не просто изложение символов и постулатов веры, но и некоторым образом «теория», включающая элементы конструкции, размышления и рассуждения, доводы и выводы... В этом смысле идеология это не просто светские приходы, интеллектуальные конфессии, секулярные братства, мировоззренческие школы и целые религии со своими оплотами веры, но также и близкая к науке система просвещения и образования, инициации, поддержания стандартов, повышения квалификации. Но вместе с тем даже лекции «научных идеологов» не только слушаются, но и зачитываются и проживаются как проповеди, с элементами харизмы и суггестии. В конце концов и учёный может быть для сотрудников и последователей Учителем, а если надо – и Богом.

Более того, в эффектах *интеграции через непонимание* («негативной герменевтики») [Рубцов 2016] консолидирующим может быть не понимание (как признаётся феноменологической социологией), а именно активное «непонимание», бессознательное дробление между субъектами якобы общего смысла в едином субъектном поле. У Лессажа хромой бес «вскрывает» крыши домов и показывает студенту ночную жизнь горожан. Если бы можно было так же вскрывать и показывать фатальные различия сознания субъектов, по-разному понимающих одни и те же считающиеся общими каноны и символы веры, «идеологически единое» общество разорвалось бы, как старый снаряд. Это справедливо как в синхронии, в социальном пространстве, так и в диахронии: за почти целый век мы вовсе не зря пережили несколько достаточно разных марксизмов, не афишируя этих различий, наоборот, молясь именно на безоговорочную преемственность текстов и элементов доктрины. Пока мир менял целые философии, СССР упорно перечитывал и переосмысливал одну и ту же философию. Или «вчитывал», если воспользоваться термином Мандельштама. Марксизм не догма, руководство к ней.

Идеология в России – одновременно характер и драма. Нынешние поколения помнят колебания курса и самого отношения к идеологии в политике и философии, в морали и вкусах общества. Конфликт между соблазном и неприятием затронул миллионы пострадавших, многих «без права переписки».

В предыстории здесь были и «третий Рим», и «новый Иерусалим», но сама *идея идеологии* пришла к нам даже не от де Трасси, а прямо из марксовой критики злостных манипуляций «сознанием для другого» (или «за другого»). В истории не было философии, которая громила бы идеологию с воодушевлением марксизма, – и в мире не было страны, столь же беззаветно верившей в марксизм как в философию... и идеологию. Этот наш гибрид парадоксов и пароксизмов одновременно и отрицал, и воплощал мир иллюзий и обмана, ложных представлений и оправданий господства. Прямо под портретами Маркса вожди и генсеки котировались как классики идеологии, секретарь по идеологии был вторым человеком в государстве, идеологический отдел ЦК контролировал стратегию и политику, «Вопросы философии» считались номенклатурным идеологическим журналом, а издательство «Прогресс» – крупнейшим производителем идеологической литературы в мире.

И очень амплитудные графики. «Деидеологизацию» 1980-х встретили с энтузиазмом [Рубцов 1995] – и тут же ударились в фантазии «национальной идеи» и «государственной

идеологии», только что запрещённой в Конституции. Целым линейным министерствам весьма коряво пытались вменить идеологические миссии – и упирались в холодность политического руководства. Теперь радостно вспомнили, что война это «звёздный час идеологии»... и по законам военного времени часть действующей идеологии списывается в запас, а остальное остаётся под надзором уставной дисциплины, как минимум. Схема «мобилизация и на фронт» к идеологии тоже относится. Дан приказ ему...

Но не случайно именно в России, бывшей когда-то *местом Модерна*, так актуален сейчас поиск выхода из экстремального политического постмодернизма в перспективу постпостмодерна как своего рода Сверхнового времени.

Это уже не просто хроника, но что-то от самой природы данного типа сознания и культуры.

Соотношение идеологии как *системы идей* и *системы институтов* давно тянет на «основной вопрос идеологии». Но сейчас здесь царит особенная путаница – как в аналитике, так и в самой распадающейся предметности.

В связи идей и институтов есть скрытый конфликт между генерацией и воспроизводством смыслов – и собственными интересами того, что Альтюссер назвал «идеологическими аппаратами государства». Тема почти запретная. Сведение идеологии к идеям и ментальности проходит красной нитью от рождения термина через всю классику философии и политической истории до наших дней. Даже Дуглас Норт, один из столпов институциональной теории, заявляет в Нобелевской лекции: «Идеология – это то общее, что имеется в *ментальных* (курсив мой – АР) формах людей...» [Норт 1993]. Подходы к идеологии как к относительно независимой системе *институтов и практик* редки и не акцентированы. Тем не менее сюда входят, как минимум: весь установочный, программный дискурс власти, инфраструктура СМИ и пропаганды, образовательные и воспитательные институты, инструментарий культурной политики и пр., включая собственную экономику идеологии, инструменты права, контроль смыслов и цензуру, машинерию репрессий.

Наряду с аппаратами государства существуют относительно независимые идеологические институты гражданского общества и даже неформальные, нелегальные, но неплохо организованные группы – идеологические ОПГ на базе полуформальных «партий», клубов и электронных СМИ. Плюс «теневая» идеология – пространства, в которых идеологическая работа и борьба как таковые не афишируются, но привносятся контрабандой, скрытно. Государство в пикантных ситуациях тоже нередко действует как партизан на собственной территории, не брезгуя саботажем, демпингом, диверсиями и систематической подрывной работой.

При этом возможны как сильные идеи без институтов, так и, наоборот, идеологические институты, для которых идеи вторичны и заменяемы. Уже в симбиозе марксизма-ленинизма и КПСС партийная идеократия была скорее идейной *партократией* (как церковь бывает «выше» веры). Аппарат управлял ересями и даже командовал теорией, но не наоборот. Решавшая любую проблему формула «Это вопрос политический!» воплощала особый статус идеологии как конечной инстанции не по смыслу, но по факту.

Сейчас политическая конъюнктура тоже модифицирует идеи в зависимости от задач и потребностей курса, но теперь в один смысл (например, самосохранение власти) оказывается удобнее вписывать разные, порой взаимоисключающие идеи. Это раскачивает идеологический маятник с максимальной амплитудой и небывалой частотой.

Всепобеждающая сила коммунистической идеологии держалась не только на силе и attractiveness идей, но и на сверхмощной инфраструктуре. Неограниченный ресурс должен был обеспечить нам подавляющие конкурентные преимущества на мировых рынках идеологий. Поэтому и деидеологизация означала здесь в первую очередь демонтаж институтов.

Идею добивали, сломав её экономику и механику. Сейчас этот аппарат восстанавливается, но не на месте «воронки», а часто в теневой зоне. Что же до попыток реконструкции старого идеологического каркаса, то здесь больше самодеятельности и конфузов. Тем более в военных контекстах: на этот счёт государства располагают особыми спецрезервами и целыми подразделениями, в том числе быстрого и сверхбыстрого реагирования.

Межуев В.М. 2017. Философия как идеология. – *Философский журнал | Philosophy Journal*. – Т. 10. – № 4. – С. 171–180.

Норт Д. 2004. Функционирование экономики во времени. Нобелевская лекция (9 декабря 1993 года). – *Отечественные записки*. – № 6 (21). – Доступно: <https://strana-oz.ru/2004/6/funkcionirovanie-ekonomiki-vo-vremeni>. – Проверено: 23.03.2023.

Орешин Б.В., Рубцов А.В. 1989. Сталинизм: идеология и сознание. – *Осмыслить культ Сталина*. – М.: Прогресс. – Доступно: <https://iphras.ru/uplfile/ideol/roubcov/1995-2009/Stalinism/Stalinizm.html>. – Проверено: 23.03.2023.

Рубцов А.В. 1995. Наказание свободой (Смысл и перспективы либеральных тенденций в современной России). – *Полис. Политические исследования*. – № 6. – С. 10–31.

Рубцов А.В. 2009. *Российская идентичность и вызов модернизации*. – М.: Библиотека ИНСОР.

Рубцов А.В. 2016. *Практическая идеология. К аналитике идеологических процессов в политической и социокультурной реальности*. – М.: ИФ РАН, 2016.

Рубцов А.В. 2018. Превращения идеологии. Понятие идеологического в «предельном» расширении. – *Вопросы философии*. – № 7. – С. 18–27.

Рубцов А.В. 2019. Идеология в структуре социума и личности. – *Полилог/Polylogos*. – Т. 3. – № 4. – Доступно: <https://polylogos-journal.ru/s258770110008020-4-1/>. – Проверено: 23.03.2023.